

---

---

### 3.

## О ХОДѢ ОБРАЗОВАНИЯ ВЪ РОССИИ И ОБЪ УЧАСТИИ. КАКОЕ ДОЛЖНА ПРИНИМАТЬ ВЪ НЕМЪ ФИЛОСОФІЯ,

Рѣчъ,

произнесенная въ торжественномъ собраниі С.  
Петербургскаго Университета, Ординарнымъ  
Профессоромъ Философіи, А. Фишеромъ, 20  
Сентября 1834 года.

---

(Переводъ съ Французскаго).

Россія — эпо единственное по многимъ другимъ  
отношениямъ Государство — предстаетъ въ ходѣ  
образованія своего одно изъ пѣхъ рѣзкихъ, харак-  
теристическихъ отличій, которыя дѣлаютъ физіо-  
номію ея сплошь оригинальною, и которыхъ пѣщенно  
спали бы мы искать въ Исторіи вѣковъ минув-  
шихъ или въ настоящемъ бытіи народовъ совре-  
менныхъ. Дѣйствительно, тогда какъ въ другихъ  
странахъ съмѣна образованія, возникшая самодѣя-  
тельно, отъ причинъ разнообразныхъ, и развивав-  
шаяся частно вдругъ на многихъ пунктахъ съ весь-  
ма различныхъ споронъ, по большей части пре-  
бывающа отъ Правительства только оприцатель-  
ныхъ пособій — покровительства и защиты про-  
тивъ безмысленныхъ нападеній невѣжества и  
грубости, — у насъ напротивъ Правительство  
само предносилъ подданнымъ свѣтильникъ обра-

зованиі, и въ шченіе уже цѣлаго вѣка дѣлаєтъ успѣхи его предмѣтомъ олітескихъ попеченій своихъ. Если у другихъ народовъ просвѣщеніе, исходя изъ среды ихъ, идея, по центру проспремышленному движению, къ Правительству, и выражается въ немъ, какъ въ общемъ фокусѣ: у насъ мудрый Монархъ, окруженный знаменитѣшими мужами, Русскими по сердцу и Европейцами по обширности своихъ познаній, предстаѣтъся въ величественномъ образѣ, какъ умственное солнце, кошорое, сплювши управляемой имъ системы, устремляется къ одиимъ и лѣмъ же идеямъ пятьдесятъ миллионовъ умовъ, озаряясь своими лучами и оживляясь своею жизнью все, что подчинено закону его приложения.

Не удивительно, что планъ образованія, столь необыкновенный по своей новости, столь пропитанный всему дополнѣ видѣнному, открыть обширное поле размышеніямъ, крипикамъ и даже укоризнамъ оппонентъ Правительства, дерзнувшаго взмыть и отважившагося привести его въ исполненіе. Успѣхъ этого предпріятія казался столь ненадежнымъ, что Писатель, извѣстный по скромности и умеренности своихъ сужденій, не болѣе какъ за 25 лѣтъ предъ симъ сказаль: «ПЕТРъ I возвращаъ плоды въ оранжерѣ, и думалъ, что усвоиваелъ ихъ странѣ своей: или лучше — привязалъ чужеземные плоды къ деревьямъ, не могущимъ произвести ихъ, и, какъ справедливо замѣчено, послалъ пирамиду на остреѣ» (\*).

(\*) Альбілонъ, *Essai sur la philosophie de l'histoire*, 1809. Второе издание, Т. IV. стр. 120. Парижъ, 1852.

Нынѣ, когда политическое здание Россіи съ одной стороны не можетъ не возбуждать зависшіи сильные прежней, а съ другой служить самымъ неопровергнутымъ доказательствомъ возраставшихъ успѣховъ ея системы образования,— нынѣ, говорю, надобно было придумать шаклику, несколько отличающую опись прежней, чтобъ умалить достоинство тѣхъ неусыпныхъ попеченій, которыя Правительство Русское безпрестанно прилагаетъ къ просвѣщению своего народа. И вотъ мы видимъ людей, которые—въ ослѣпленіи можно понимаемаго патріотизма, думал, что иначе не могутъ спасти своей народной славы, какъ только порицая все великое, все необыкновенное въ судьбахъ другого народа, и чувствуя себя не въ состояніи заславить, какъ прежде, сомнѣвшись въ успѣхѣ споль пруднаго подвига — спаравшися, по крайней мѣрѣ, увѣрившися другихъ, что это образованіе расчислено и употребляется въ пользу однимъ Правительствомъ, а народъ признаетъ его съ отвращеніемъ. «Россію» — говорятъ они — «подать Европейскимъ образованіемъ» (\*).

Не хочу присвоивать себя обязанности опровергать эти злонамѣренныи выходки, хотя я имѣю на своей сторонѣ преимущество, какое доказываетъ испина передъ ложью. Впрочемъ Правительство подобное Русскому, внутиренno убѣжденное въ томъ, что имѣеть въ виду единственно благо своего народа и поддерживаемое признатель-

(\*) Аерманс, *De l'influence de la philosophie du XVIII siècle sur la législation et la sociabilité du XIX-me.* Паризъ, 1833. стр. 177.

мостію, любовію и предданностію подданихъ, не  
нуждається въ похвалахъ, хотя бы и самыхъ кра-  
снорѣчивыхъ: слово безмолвно шамъ, гдѣ говорягы  
дѣла. Къ чести нашего Правительства, оно  
въ своемъ покойномъ, величественномъ ществіи  
пренебрегаетъ нелѣпими клеветами этихъ писа-  
телей и говоритъ имъ въ отвѣтъ: приди въ  
Россію, взгляните и судите. Если же, въ элой Рѣ-  
чи, я и возвращаюсь къ предшествовавшимъ со-  
бытиямъ, давшимъ жизнь нынѣшнему образованію  
великой Имперіи; если не могу удержаться, чтобъ  
не отвергнуть нѣкоторыхъ ненавистныхъ разсуж-  
дений, утверждая, что распроспранное Пра-  
вительство просвѣщеніе пріемлемое народомъ  
не только безъ отвращенія, но съ охопою и  
рвениемъ: то нисколько не думаю оправдывашь,  
что, по убѣжденію моему вовсе не имѣшь нужды  
въ оправданії. — Главная цѣль моя — доказать,  
что въ системѣ образованія, которому слѣдуетъ  
Правительство, изученіе Філософії не соспа-  
вляется, какъ думаютъ нѣкоторые, занятія пустого  
и безплоднаго; что участіе, которое должна при-  
нимать эта Наука въ будущихъ успѣхахъ просвѣ-  
щенія, чрезвычайно важно, и что это мощное при-  
ложеніе, котороое Правительство оказываетъ да-  
же на философскія идеи, не только не препят-  
шуетъ надлежащему ходу ума человѣческаго, но  
напротивъ служитъ благоніворныхъ щитомъ, пред-  
охраняющимъ насъ отъ гибельныхъ слѣдоватій  
алеобразованія — этого чудовищнаго порожденія  
нашего вѣка, котороое, подобно нравственной язвѣ,  
заражаетъ и повреждаетъ болѣе и болѣе общеспівен-  
ное тѣло дряхлѣющей Европы.

Народъ Русскій , умный и прудолюбивый, по  
пѣснымъ связамъ своимъ съ Греческою Имперію въ  
дѣлахъ религіозныхъ, казалось, преимущественно  
назначенъ быть сдѣлаться хранителемъ Византій-  
скаго просвѣщенія — слабыхъ оспапковъ, спасшихъ-  
ся отъ наводненія варварскихъ вѣковъ, но еще  
скрывающихъ въ себѣ плодотворный сѣмена нового  
образованія. При всемъ томъ непоспѣхимъ судь-  
бы Прovidѣнія не дали Россіи счастія — со-  
дѣйствовать умственному возрожденію новѣйшей  
Европы. Изнемогшій отъ гибельного разъединенія,  
народъ Русскій преклонился передъ окровавленнымъ  
мечемъ Татарина, и слишкомъ двух-вѣковое рабство  
совершенно уподобило бы его дикому его власте-  
лину, если бы Христіанская Вѣра — этолпъ (да  
позволено мнѣ будесть называть мірскимъ именемъ  
испинный даръ Небесь), этолпъ Палладіумъ человѣ-  
ческаго рода, къ коему единственно сохранилось  
уваженіе въ тогдашнія времена бѣдствій, — могла  
допустиль его до подобнаго униженія. Россія воз-  
спала, спряхнула съ себя варварское иго, дышать  
свободно; однако народъ ея, упрежденный Западною  
Европою, долженъ быть сожалѣть не объ однихъ  
успѣхахъ образованія, кошорые могъ бы свершиль  
въ два вѣка: онъ огрубѣль отъ продолжительного  
своего рабства; ему надобны были еще два другіе  
вѣка, чѣтобъ залечить глубокія раны Отечества и  
поддержать политическое бытие свое, потрясенное  
внутри хищническімъ и беззначаціемъ, и угрожающее  
извѣ оружіемъ враговъ алчныхъ.

Явился наконецъ исполинскій Геній , возроди-  
тель или лучше создатель новой Россіи, кошорый

объемъ великииъ умомъ высокую судьбу своей Имперіи, предпринялъ дѣло, кошорое цѣль міръ погрузило въ наимое удивленіе. Какое главнѣйшее намѣреніе этого Монарха, кошораго весь образованій свѣтъ почлиши именемъ Великаго, а признашельные подданные нарекути именемъ болѣе сладостнѣмъ, именемъ Опіца Опіческага; какое дѣло возлагашь на себя ПЕТРЪ I, чѣобъ утвердишь навсегда будущность Россіи, если слабыя силы человѣческія могутъ присвоить себѣ то, чѣо при надежашь единому Прорицаню? Довольствующийся ли Онъ шѣмъ, чѣо защищаешь ее своюю мощнouю рукою, дѣлашь ее спрашиою врагамъ, ошодвигаешь побѣдами своими обнаженные ея границы и поспашаешь ей спражами моря и рѣки, кошорымъ повелываешь бышь ея границами? Многочисленное войско, Имъ самимъ обученное, и флоты, коими покрываешь моря, почишаешь ли Онъ дослапочнымъ ручательствомъ въ будущей судьбѣ Россіи? Или ограничиваешься Онъ шѣмъ, чѣо даешь ей новую организацію, возвращаешь законамъ должное уваженіе и наблюдаешь за государственнымъ управлениемъ, коего заслуженнымъ злоупотреблениемъ непрерывно раздирающъ сердце народа?

Дѣйствительно, еслибъ ПЕТРЪ I ограничился ижолью шѣмъ, чѣо сказано, царствованіе Его все еще заняло бы одну изъ лучшихъ странницъ Испорія. Но проницательный, геніальный взоръ Его, не оспа-наливавшійся, подобно очамъ обыкновеннымъ, только на поверхности насплощаго, а погружавшійся въ бездны грядущаго, скоро предусмотрѣлъ, какъ недослапочны и непрочны будуть всѣ великия и

прекрасныи Его учреждениі, если народъ будешъ по прежнему косыть въ невѣжеспѣ. Онь всеобъемлющимъ умомъ своимъ скоро позналъ, чѣмъ военная сила, холібъ самая грозная, не поддерживаемаи успѣхами просвѣщенія, не только не даетъ народу прочнаго перевѣса надъ другими, но даже не доказываетъ и независимости отъ соседнихъ народовъ, превосходящихъ его въ этомъ отношеніи. Взглянувъ на нынѣшнюю Турецкую Имперію — Государство въ высшей степени воинственное, бывшее нѣкогда ужасомъ Европы, но оспацавшееся неподвижно въ своемъ образованіи, и теперь только великодушію Побѣдителя обязанное быть слабымъ дыханіемъ жизни, которое сохранило еще — мы вполнѣ можемъ понять, какъ основашельны были опасенія, которыя могъ имѣть ПЕТРЪ I относительно прочности колосальной своей Имперіи; и это зрѣлище лучшее всѣхъ длинныхъ разсужденій можетъ изяснить намъ то чрезвычайное нешерпѣніе и горячность, съ какими великий Монархъ заспавлялъ народъ свой перешагнуть черезъ бездину, ошѣявшую его отъ образованной Европы.

Но оставилъ въ споронѣ всѣ политическія соображенія и побудительные причины этого рода, могшія заспавить безсмертнаго Преобразователя предпринять возрожденіе своего народа. Довольно сказать, чѣмъ ПЕТРЪ Великій, будучи человѣкомъ въ высшемъ, благороднѣшемъ значеніи этого слова, старалъ самъ неуполномочою жаждою совершенствованія и постигаль неопраздную силу закона преуспѣнія, который самимъ Творцемъ вдохнути въ существо наше, способное къ безпределному

улучшению — «закона, который вѣчно будешь необходимымъ условиемъ нашего общественнаго бытія» (\*). Руководимый эпою великою, плодотворною идеею, и проникнутый высокимъ призваніемъ своимъ — управить, въ качествѣ Монарха, будущія судьбы безчисленнаго народа, Онъ могучею десницей двинулъ его по пути образованія, зналъ, что кроме успѣховъ просвѣщенія и добродѣтели нѣть иного надежнаго ручательства, которому можно было бы выѣтиъ безопасность его и благополучіе.

И вотъ Россія сдѣлалась ученицею просвѣщеній Европы, ученицею понаправу и прилежною. Ея генимѣрные успѣхи, почишаемые въ цѣлой Европѣ исполненскими шагами, понынѣ приводятъ склонъ въ изумленіе, и непремѣнно привлекли бы справедливыя дани всеобщаго удивленія мудрому ея Правительству, еслибы политическая зависиѣсть, спаравающаяся оспанавливать быстрый ходъ ея, не вынѣла ему въ преступление мѣръ самыхъ благотворныхъ. Ибо неоспоримое достоинство и вѣчную славу Монарховъ Русскихъ соспавляетъ то, что они не только покровительствовали и поощряли образованіе, подобно всякому благонамѣренному Правительству, но совершили во всѣхъ частяхъ создавали его, и никогда не рѣшались предоспарять народное просвѣщеніе слѣпому случаю, произволу, беспечности и злонамѣренности, споль опаснымъ для всякаго народа вообще, и преимущественно для народа Русскаго въ первыя времена его развиїя.

(\*) Notice sur Goethe, стр. 1, соч. С. С. Уварова.

Такимъ образомъ, держа львердою рукою вѣ  
безчисленный ниппі этой пікаки, искусно распро-  
спертої по неизмѣримой поверхности, Прави-  
тельство учреждало и безослановоно ускорило  
великое дѣло образования. Правда, что оно испол-  
няло свое предпріятіе то съ большімъ, то съ  
меньшимъ искусствомъ и ревностію; но однажды  
пустившись по пуппи успѣховъ, оно не совраща-  
лось уже съ него болѣе, даже во времена самыхъ  
критическихъ. Не нужно Русскимъ слушаниемъ вы-  
числять всѣхъ успѣховъ, вѣнчавшихъ неупомянутыи  
спарапанія Правительства: на каждомъ шагу мы  
вспрѣчаемъ памятники, коихъ краснорѣчивый го-  
лосъ передаспѣ опдаленнымъ попомкамъ славу вѣ-  
ка, соорудившаго ихъ. Дѣйствительно, обращая  
взоры вокругъ себя, и безпресланно находя поводъ  
повторять: это учрежденіе свидѣтельствуєтъ о  
высокини геніи Петра I; это увѣковѣчиваетъ  
славную память Екатерины II; это—плодъ благо-  
твореній, коими обѣзаны мы великодушію Импе-  
ратора АЛЕКСАНДРА — Ангела-Хранителя Россіи;  
это заведеніе одно изъ безчисленныхъ доказа-  
шельствъ опеческой попечительности Августей-  
шаго Монарха, нынѣ царствующаго, — мы  
едва не спланемъ вѣриль, что Россіи какъ бы  
почти не было до Петра ВЕЛИКАГО: такъ  
время, предшествовавшее Ему, кажелся намъ от-  
даленнымъ; такъ воспоминаніе о Немъ застѣ-  
лается блескомъ и великолѣпіемъ картины, кошо-  
рую представляеть внутреннее развитіе Россіи  
въ послѣднія времена.

Но умолчимъ о великихъ предпріятіяхъ, имѣ-

шихъ цѣлію пользу общественную, о безчисленныхъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ клоныщихъ непосредственно къ вещественному благосостоянію подданыхъ; устремимъ взоры на фокусъ гражданского образования, на просвѣщеніе народное, на заалпіе Науками и Словесностію, на воспитаніе юношества.

Не обижусь сказать, что до конца XVII столѣтія Россіи въ отношеніи просвѣщенія народнаго предшествала обширную пущивую, надъ которой пытавши гуашные ираки мерзкой, безмолвой ночи, и на юшорой кое-гдѣ Духовныхъ Училищъ были единственными сѣйшими пущивами. Благодаря попеченіямъ нашихъ Монарховъ, въ одинъ шоль-ко вѣкъ съ этого времени, изъ среды этого народа, возникли Учрежденія и Заведенія, коими справедливо могли бы гордиться самыя образованыя страны. Не говоря о многихъ отличившіхъ Учрежденіяхъ, имѣющихъ какую либо цѣль исключительную, ограничусь указаниемъ на Академію Наукъ, которая между Членами своими считаетъ Ученыхъ съ Европейскою словою; на 6 Университетовъ, коихъ курсы пополняются болѣе и болѣе, и къ коимъ щедротами Императора Николая присоединенъ недавно еще Университетъ Св. Владимира; на Главный Педагогический Институтъ, который, по всей справедливости, можетъ быть починакъ важнейшимъ разсадникомъ, гдѣ учение глубокое и спрогое направлено къ образованію юношества, доженствующаго со временемъ преподавать Науки и Искусства; на Гимназіи съ находящимися при нихъ Благородными Пансионами, распределенные по всѣмъ Гу-

берніамъ обширной Имперіи, и хотя не въ той степени распространяющія сѣять знаній, но благопріорный по своему вліянію, которое шымъ иже будеъ ощущаемо, чѣмъ болѣе онъ отдалены отъ столицъ и Университетовъ; законецъ на Первоначальные Школы, коихъ число, уже весьма значительное, съ каждымъ днемъ увеличивающееся болѣе и болѣе.

Если бы какой нибудь не совсѣмъ справедливый судія возразилъ, что многія изъ исчисленныхъ нами Заведеній представляющія только первоначальный очеркъ и не могутъ быть поставлены на одну линію съ подобными Заведеніями въ Германіи, Франціи и Англіи, мы отвѣчали бы, что Россія охотно уступаешь ято первенство старшимъ сесіямъ своимъ, открыто признаешь себя ихъ ученицею и всегда голова принимашъ съ благодарюючию испинное просвѣщеніе, ей сообщаемое, не смири за то, какимъ путемъ оно доходишь къ ней. Но въ вопросѣ, решеніе коего проспираешъ въ безконечности, въ вопросѣ образования народнаго, гдѣ дѣло идетъ о большей или меньшей приблизительности, и гдѣ всякое сдѣланное усовершенствованіе есть относительное, существенный пунктъ заключающій не въ степени образования, до коей народъ доспигъ въ извѣстное время, но преимущественно въ силѣ правильнаго движения, влекущей народъ по пути усилій; въ согласіи всѣхъ дѣятельныхъ началь, пред назначеныхъ имѣть вліяніе на духъ его; въ благопріятелии внутреннаго положенія, обеспечивающаго ему продолжительное существованіе безъ попрісеній и бурныхъ перерывовъ. При такихъ данныхъ время довершаеть осщальное.

Будущность, открывавшаяся для Россіи во всѣхъ эпіхъ отношеніяхъ, несравненно упрѣшильше будущности многихъ другихъ народовъ, которые, хотя и предводительствующіе нынѣ образование, но, управлявъ единство побудительныхъ причинъ, волнуемые продолжительными судорожными движеніями, и мучась болѣзнями влопричными зачатіемъ образованности, внушають справедливое опасение, что они весьма далеко отклонились отъ возвышеннѣйшей почки образованія, которой по пренерешимъ формамъ своего бытія могли бы доештинуть.

Если неосперимо, что пѣть началъ, коихъ со средоточенное дѣйствіе оказывало бы такое могущество на судьбы народовъ, какъ Религія и Законодательство, то должно сознаться, что Россія не могла утвердить народное просвѣщеніе свое на основахъ, которымъ были бы пренѣзѣ эпіхъ двухъ началъ внутренне соединенныхъ и, такъ сказать, ино-жественныхъ между собою. Впрочемъ, какъ бы ни были они сильны, существенное могущество ихъ всегда опирается на дѣятельной помощи препынго—воспитанія. Воспитаніе, собственное говоря, есть то живленіе начало, безъ коего наспавленіе Вѣры и законы общеславянные останошися мерзкими формулами, не имѣющими никакой власти надъ сердцемъ и нравами народа. Заспавить жду силу содѣйствованиемъ осуществленію высокихъ намѣреній, основанныхъ на Вѣре и законахъ Государственныхъ, было всегда одною изъ священнѣйшихъ обязанностей Русскаго Правительства. Но здѣсь-то преимущество и обнаружилось неудобства, соеди-

иеннымъ съ системою просвѣщенія, которою по обспѣчительствамъ должны были принять Возроди-шии Россіи. Такъ какъ образование должно произ-шествовать изъ высшихъ сословій, какъ общаго средо-阶层а, и постепенно распространяться во всѣ клас-сы общества, то воспитаніе юношескаго, по неиз-мѣнно Русскихъ наспавниковъ, весьма долго должно было повѣряться иностраннымъ, и лѣтъ труднѣе было наблюдать и руководить его, что оно было почти совершенно домашнее и должноствовало быть такими по неизмѣнно публичныхъ Заведеній, кои-рыя могли бы внушить довѣріе своею просвѣщен-ностью и хорошимъ устройствомъ.

Очевидно, сколько духъ народный подвергался отъ этого опасности упрашивать свое доспѣн-ство, и какъ часто правила, внушаемыя Русскому юношескому, могли не согласоваться ни съ Религіемъ, ни съ исповѣдаемою, ни съ политическими поспланов-леніями Отечества, коихъ опорою оно должноствова-вало быть со временемъ. Справедливо сказато, что по образованію Русокіе должныствовали быть сперва огерманизованы, а попомъ офранцужены. Для устриченія этого важнаго неудобства Правитель-ство употребляло всѣ усиія, чтобы устроить, умножить и улучшить публичные Заведенія, пред-назначаемыя для народнаго воспитанія, и безъ ма-лѣйшаго преувеличенія можно сказать, что нѣть міръ Правительства, котороѣ бы такъ облег-чало родителемъ штогоскную заботу о воспитаніи дѣтей ихъ.

Однакожь въ высшихъ и богатыхъ классахъ на-рода часищое воспитаніе державшися и всегда бу-

день держались въ правахъ своихъ; руководимое благоразуміемъ, оно украсило общеспівчими добродѣліями всѣми предѣлами добродѣлій домашніхъ. Основалось рѣшініе великую задачу: национальна народныи духомъ вънъ часнное воспитаніе, воену вѣтрею починъ все Русское юношество высшаго класса, и наблюдать за нимъ спокойно, сколько возможно дозволять его отдельности, чѣмъ шакать образомъ направить его къ великой цѣли развиція общеспівчаго, основанаго на Реалгії и законахъ онечеспівенныхъ. Высокая мудрость Императора Николая постигла всю важность великой задачи единорожія согласія между воспитаніемъ часннымъ и публичнымъ, и выѣрила рѣшеніе ея государспівеннымъ дарованіемъ Министру, коего уму и рѣдкимъ доскональствомъ мы вмынъ удивляемся. Слѣдствіемъ этого былъ законъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ гражданскаго образованія. Сей законъ, предославленій домашніемъ Училищемъ довольно значительнымъ гражданскимъ права, будить содѣйствовать къ воззрѣнію иль азаканія, слишкомъ мало уважаемаго донынѣ въ общеспівчомъ мѣніи, и сдѣлать его званіемъ почтенніемъ, котораго охепио будуть именемъ природные Русскіе. Отъ если громкое доказательство много высокаго мѣнія, какое имѣшь Правительство о воспитаніи юношества, и убѣдительное воззрѣніе ко всѣмъ прославленіемъ родищельямъ, можъ приглашаеніе оно помогать своимъ усилиями благимъ его намѣреніямъ: онъ непремѣнно пронаведеть блажое нравственное вліяніе на почтенный классъ гражданъ, которыя, обладая всѣми

потребуемыми качествами, посвящають себя воспитанию юношества, ибо включить ихъ въ кашегорію Государственныхъ Чиновниковъ и подчинить ихъ дѣйствія надзору властей общественныхъ. Возвышенный въ собственныхъ глазахъ своихъ, Домашний Наследникъ не согласится уже ни на какое бесчестное дѣло, которое уничижило бы его въ мнѣніи другаго,— и чистота нравовъ, имѣющая споль сильное влияніе на успѣхи воспитанія, будеъ теперь спасаема чаще прежняго. Почетное мѣсто, которое занимаетъ онъ въ обществѣ, и которое долженъ почилпать возмездіемъ за возложенія на него должности; самая одежда, имѣющаяся, должны безпрестанно напоминать ему то священное обязантельство, которое онъ заключалъ съ Правительствомъ, именно: исполнить свою должностъ его именемъ и по плану, имѣя начертанную. Надежда увидѣть никогда беспомощную спирюлью свою защищеною отъ бѣдности, и мысль о томъ, что Правительство, признающее къ его заслугамъ, приметь символъ, осправленныхъ имѣ по смерти, заставятъ его съ большими спокойствіемъ предаться важнымъ обязанностямъ насполна, и ему будеъ гораздо менѣе нужды домогаться благосклонности осѣченныхъ, безразсудныхъ родителей и дѣлаться ихъ участникомъ, преступно снисходя къ порокамъ и недостаткамъ дѣлъ ихъ. Скажемъ въ нѣсколькихъ словахъ свое мнѣніе: эта Правительственная мѣра не только можетъ внушить благородную гордость во всякаго доброго патріота, но должна доставить живѣйшее удовольствіе всякому другу человѣчества и образованія, и преумноженію плому, клю,

добно маъ, исполнять трудную должностъ наставника, извѣдалъ вѣю тижесть ея, равно какъ и всѣ заботы, всѣ непріятности, коимъ подвергается человѣкъ, рѣшившійся добросовѣсно исполнять возложенную на него обязанность.

Съ той минуты, какъ воспиланіе начнеть болѣе и болѣе согласоваться съ двумя другими величими пружинами общественной жизни, я не вижу для Россіи ничего, могущаго нарушить гармонію самосложельного ея развиція. Если въ силѣ Правительства заключающій источникъ всякаго общественнаго благосостоянія, то Россія относительно будущности своей можетъ имѣть самыя лестныя надежды: ибо Правительство ея дѣйствитель но обладаетъ существенною силою, которая зависитъ не только отъ преданности безчисленнаго народа, но въ особенности отъ обширности его просвѣщенія. Оно господствуєтъ надъ системою, которой посполито слѣдуешь, — гово ришь, — ибо почта зѣрнія его вѣтъ и выше зѣной системы, — посполито слѣдуетъ ей, потому что, зная всѣ другія системы, дѣйствующіе съ извер дымъ убѣжденіемъ, что прияшай ею единственно можетъ сохранить общественную безопасность и благосостояніе Государства. Будемъ надѣяться, что эта просвѣщенная сила, умѣющая создать образование и управить ходъ его мимо споль-многихъ опасностей, сохранилъ и навсегда зippo сокровище отъ всякой ложной примѣси, и грядущимъ поколѣніямъ передастъ его, обогашенное лѣми приращеніями, которыя досталася ему трудами на шники.

Сдѣланій тиеперь маю быстрый очеркъ на-  
чала хода и духа образованія въ Россіи будеъ  
основаніемъ, на которомъ постараюсь утверждать  
решеніе вопроса, казавшагося миъ имѣющимъ ша-  
кой общиј интересъ, чио можетъ заслужить вним-  
аніе сего знаменишаго Собралія.

Преподаваніе Философіи помимо ли для успѣ-  
ховъ просвѣщенія вообще, и какія условія въ осо-  
бенности дѣлаютъ его съмѣслимъ съ системою  
образованія, приятою въ Россіи?

Когда бы мнѣ удалось доказать, чио изученіе  
Философіи вѣтолько возможно согласить съ при-  
нципомъ у насъ системою, но чио это необходимо,  
если Россія хотѣть не много хочеть со временемъ  
выйти изъ ученичества и возьмѣться до умствен-  
ной независимости, до просвѣщенія испинно на-  
роднаго, я, думаю, оказалъ бы значительную услугу  
вѣтой Наукѣ, несправедливо лишенной уваженія,  
презрѣній, и въ то же время обнаруживъ благо-  
творные виды Правицельства, учредившаго кае-  
дры Философіи во всѣхъ Заведеніяхъ, назначен-  
ыхъ для высшаго универсального обученія.

Чио же такое Философія?

Вотъ вопросъ, который вслѣкъ въ прахъ наше сдѣ-  
лали, и который очень часто дѣлаютъ съ насмѣ-  
шиліемъ людомъ и съ полною надеждою привесили  
насъ въ затрудненіе, представляя разогласіе Фи-  
лософіи и мысли разнородныхъ определеній,  
которые они давали своей Наукѣ. Цѣль и предѣлы  
этой рѣчи не позволяютъ распространяться о  
причинахъ этихъ разногласій, которые, возникав-  
шіе отъ самой природы Философіи, нисколько

не удивляются людей, занимающихся ею; скажемъ и только, чисто хаось, представляемый намъ съ первого взгляда въ Исторіи Философіи, немедленно проясняется предъ взоромъ очищеннымъ и проницательнымъ, колпорый, умъ основанный на томъ, что вообще принадлежитъ всѣмъ испытанию-философскимъ ученымъ, кѣро не потерянъ въ лабиринтѣ странностей и противорѣчий, комъ различныя системы какъ бы холили разрушить другъ друга. И это единство, о колпоромъ говоримъ мы, неоспоримо: оно очевидно основывается на тождествѣ источника, отъ него произошли всѣ иокупенія Философіи, и на тождествѣ цѣли, къ которой стремились ихъ усилия, чисто даже безъ ихъ вѣдома.

Поспрашиваемся же привесли въ ясность основное начало и цѣль Философіи. Можеть быть, обнаружение пѣсной связи ея съ природою человѣческою, заславитъ согласиться, что эта Наука— не смотря на свое несовершенство — не пустая мечта, порожденная нашимъ воображеніемъ, и что даже еслибъ она была только пустою мечтой, то и тогда мы не могли бы не заниматься ею.

Человѣкъ, проводя первый лѣтъ своего младенчества въ обыкнвихъ Природы, совершенно нреданный внушеніемъ ею впечатлѣніямъ, или лучшіе, составляя съ нею одно и то же существо, при помощи этого близкаго сообщенія, развивающе въ управлѣніи въ себѣ рожденныхъ съмена познаній. Вскрѣ возвысясь надъ чувствомъ, единство на-полнившимъ первоначальное бытие его, и образуя

себѣ идею о своемъ *Я*, отличномъ отъ всего того, что называєтъ онъ міромъ, вырывается изъ объѣшій эпохой нѣкной матеріи, и съ того времени живеть въ посполиномъ проптивоборствѣ съ нею. Однако эта окружающая его Природа, могущественная и чудесная, не преспаєтъ дѣйствованиемъ на него, вызывая и упражнявъ всѣ способности, скрытныя въ существѣ его. Онъ не довольствуетъ уже ограничениемъ въ себѣ многоразличныхъ образовъ, представляющихъ уму его, но слизываетъ, соображаетъ ихъ по правиламъ, въ коихъ самъ себѣ не можетъ дать ошибки. Наконецъ уступая инспираторному и неодолимому побуждению, онъ всему имъ открывающему приписываетъ причины и съ жаромъ принимаетъ ихъ отыскивать. Ему удається открыть нѣкоторыя изъ нихъ; но замѣшивъ вскорѣ, что эти самые причины имъ ють бытіе только опицельное, зависящее отъ многихъ другихъ бытій, онъ видитъ себя принужденнымъ началье неокончающее дѣло, переходя отъ одного бытія къ другому и не находя въ этомъ послѣднемъ првердой опоры, на которую бы могъ положиться умъ его.

Тогда-то озаряющей насть лучь божественного свѣта, обыкновенно называемый Разумомъ, съ быстротою молнии раздираетъ мрачныя облака чувствъ, доселъ его обвивавшія, и испровергаетъ преграды, какъ бы проптивопоставленные ему закономъ винословности (*causalit *), воспрещающимъ духу останавливаться на какомъ-либо колѣцѣ въ безконечной цѣли существа, провозглашаешьъ торжественно бытіе существа безусловнаго, живущаго необходимо само собою и вѣч-

наго. Но гдѣ же это безусловное существо, коего бытія разумъ не можетъ опровергнуть, не опрекшись опять самого себя, и не отказалась опять истины?... Эта Природа, сколь прелестная, сколь величественная, распевающая передъ моими изумленными чувствами безчисленныя чудеса свои, — Природа, которая безпрестанно спаривается, всегда юнѣетъ, никакъ не теряя силъ своихъ, не ужели эта Природа — существо безусловное, которое, открывая въ недрахъ своихъ силы неисчерпаемыя, идентъ вѣчнымъ кругомъ, безначальнымъ и безконечнымъ; а я, на которую она имѣеть врага неоспоримыя, я — только одна изъ слабыхъ и преходящихъ поварей, вышедшихъ изъ руки ея, подобна былинкѣ въ полѣ, которая зарождается, расцвѣтаетъ и погибаетъ, не оставивъ никакого следа опять своего существованія? . .

Нынѣ! я чувствую въ себѣ вѣчно пропивающееся этой мысли. Какъ, не ужели это Я, которую я не открываютъ ни однимъ изъ чувствъ своихъ, и которое однако напоминаетъ мнѣ о своемъ существованіи безпрерывно дышельностью; это Я, которое мыслить и силою своей мысли можетъ поспѣгнуть и поработить Природу; это Я, которое желаєтъ и которую воля, по свидѣтельству моего сознанія, не можетъ быть поколеблена никакою силою видимаго міра; это Я разумное и свободное, однимъ словомъ — мой духъ, если произведеніе бездѣлственной матеріи, повинующейся неодолимому побужденію движения, которое было сообщено ему? неужели смерть можетъ быть исполнкомъ жизни? Отвергнемъ вполнѣ порядокъ ве-

щей, который приводитъ къ лакъмъ наѣлпостимъ. Духъ, совокупность разумія и свободы — волъ чи то сопоставляетъ существо безусловное, начало, изъ коего все происходитъ. Но какой духъ? Неужели мой или человѣка подобнаго миѣ? Собрание существо безусловныхъ не буде ли другою наѣлпостию, споль же очевидно, какъ и предшествующимъ? И если заполть міръ, который въ менѣ, если порожденіе моей мысли, чисная фантастагорія, рождающаяся и погибающая имѣсть съ менемъ, то откуда же происходилъ эта неоспоримая очевидность, заспавляющая меня принисывать дѣйствительность предметамъ чувственныхъ ощущеній моихъ, и отвергать ее въ образахъ, порождаемыхъ мою фантазію? Если міръ — мое произведеніе, то отъ чего же величественный ходъ его посмѣваеся надъ моей волею, безсильною оспацовать его или сдѣлать въ немъ малѣйшее измѣненіе? Нѣтъ, духъ человѣческій не могъ ни создать вещественного міра, ни самъ бышь созданъ имъ. Но между лѣмъ какое согласіе, какая чудесная гармонія царствуетъ между ими! Чѣмъ болѣе я постигаю и заполть и другой, лѣмъ болѣе и болѣе распещать мое удивленіе. Эта независимость и имѣсть эта гармонія двухъ міровъ, вещественного и духовнаго, не возбывають ли мнѣ неопровергимъ образомъ, что безусловное существо, котораго разумъ мой ищетъ безпрепятственно, подъ опасеніемъ потерять всю свою собственную дѣйствительность, споить превыше мастеріи и духа, служащихъ ему шолько проявленіемъ, и что оно, недослушное въ своемъ вѣчномъ величіи, неподвижное для слабаго творенія, соблаговолило быти

предметомъ не науки нашей, но нашей смиренной и чистосердечной вѣры? Разумъ успокаиваешься отъ высокого полета своего; онъ нашелъ себѣ опору: если Богъ превыше насть! И человѣкъ повергается ищь, поклоняясь Ему.

Вонъ, въ немногихъ словахъ, происхожденіе Философіи, которой начало творящее — Разумъ, цѣль конечная — Безусловное.

Согласенъ, что человѣкъ съ умомъ необразованый можетъ и не подниматься до высоты этой мысли; но невозможно, кажется, чтобы попытка, кому хоть разъ представилась она, снова не возвратилась къ ней, даже несколько разъ извѣдавъ слабость силъ своихъ, когда надобно было уловить, понимать ее: Только цѣю разума можно похитить у людей Философію, ибо она — развитіе разума.

Однакожь, еслибъ Философія состояла исключительно въ злому смыслѣ и величественномъ полете, посредствомъ котораго разумъ, на крыльяхъ священнаго воспорга, парилъ надъ преходящимъ міромъ и воспекаелъ въ область Вѣры, къ Сущеспву неизмѣнному и вѣчному — источнику всякой жизни, очевидно тогда совпадаѣа она съ Религіею и не имѣла бы права счищаться съцѣлью Наукой, удобною для преподаванія и изученія: ибо, чтобы передать ее другимъ, достаточно было бы какимънибудь образомъ зародить въ душѣ яхъ какой же воспоргъ, какой и настѣ одушевляеть. Оптический характеръ философскаго духа состоять не въ томъ, чтобы съ быстротою молнии променять неизмѣримыя проспранства, охватывающія Творца отъ творенія, подобно религіозно-

му чувству, которое совершиенно счастливо только въ тѣмъ, что погружается въ неизыскаемый источникъ безконечной благости; но въ тѣмъ, чтобы спокойнымъ размышленіемъ утишить, укрощать движение, сообщенное ему идею Безусловнаго. Я хочу сказать, что Философъ, поднимаясь съ одного успуга на другой, непрестанно отдастъ себѣ отчестъ во всемъ имъ утверждаемомъ, и идеаль его состояніе въ тѣмъ, чтобъ, при помощи познаній разумѣнія, построить систему испинъ, сколь возможно тѣсно связанныхъ между собою, всеобщихъ, необходимыхъ, и полному неподверженныхъ никакому сомнѣнію, построить, однимъ словомъ, Науку, которая бы, соединяясь въ себѣ начала всѣхъ отдельныхъ Наукъ, обнимала такимъ образомъ всю вселенную и представляла намъ рѣшеніе загадочнаго ея существованія. И такъ важнѣшіе вопросы, которые, по неизмѣримому вліянію, производимому разрѣшеніемъ ихъ на судьбу человѣческаго рода, занимаютъ его безконечно болѣе, чѣмъ всѣ прочіе, — вопросы: о бытіи Бога и объ отношеніи Его къ миру, о природѣ души нашей, о свободѣ ея и бессмертії, о законахъ, коими должны управляться дѣйствія человѣческія, о сущности счастья и отношеніи его къ духу, о достовѣрности въ человѣческихъ познаніяхъ, и другіе не менѣе важные, были всегда исключительныи предместомъ Философіи..

Существенная выгода испини, въ самомъ положительномъ значеніи слова, породила Философію; эпоха же выгода, живая и дѣйствительная, съ кою тѣсно связано все, что только имѣеть человѣчество драгоцѣннѣшаго, обеспечиваетъ ей навсегда

уваженіе умовъ высшихъ, что бы ни говорили тѣ, колпорые, замѣча въ каждой Наукѣ только одну прямую пользу, какую можно извлечь изъ нея, не сомнѣвающіяся одинакъ, что кромѣ этой пользы, можетъ быть и еще кое-что, заслуживающее настъ любить и изучать Науку для нея самой. Эти люди съ ограниченнымъ зрѣніемъ, уважающіе каждый предметъ по приносимой имъ материальной пользѣ, рѣшишельно оптимизающіе у человѣческой жизни все, что только предстаиваетъ она великаго, прекраснаго, высокаго, и дѣлающіе изъ человека, лучшаго существа въ твореніи, малкое рабочее живописное,— эти, если могу такъ называть ихъ, *Утилитаріи* безпрестанно лишають довѣрія Философію, которую почитаютъ занятіемъ пустынъ и бесплоднымъ, и говорятъ, что Исторія Философіи есть исторія причудъ и шалости человѣческаго духа, утверждая на шомъ пошломъ изрѣчениі, что есть такй нелѣпостіи, которой бы не поддерживала какой нибудь Философъ. Но пускай вспомнятъ они, что подѣлъ этихъ нелѣпостей если открытия обильнейшія, истинны прекраснѣшія, возвышенѣйшія, и что, следствіено, не на Философію должно жаловаться, а на малкую участіе рода человѣческаго, для колпораго опъ высокаго до смѣшнаго — одинъ только шагъ.

Охотно соглашаемся въ несовершенствѣ Философіи и безсиліи ея — разрѣшиль удовлетворительно образомъ всѣ великие вопросы, принадлежащіе къ ея области. Но между тѣмъ двадцатьчетыре вѣка размышеній, изслѣдований, и покушеній, произведенныхъ умами глубокомысленнѣй-

шими, не могли быть совершенно бесплодны для эпохи Науки. И даже, еслибы результатомъ всѣхъ эпизодъ усилій было одно только пылаемое шептерь нами убѣжденіе, что не возможно утвердить Философию, какъ Науку, на такихъ обширныхъ основаніяхъ, какія бы желательно было дать ей, то должно будеть признаніе, ч то самое это просвѣщенное невѣжество, почерпнутое изъ глубинъ изученія Философіи, если не совсѣмъ слабое вознагражденіе трудовъ, для нея подъянныхъ. Но участь эпохи Науки вовсе не такъ безнадежна, какъ хотятъ увѣрить насъ нѣкоторые. Психологическая метода, введенная Декартомъ, дала ей неколебимую точку опоры, основаніе, коего прочность неоспорима, ибо если разсматривать эту методу во всѣхъ подробностяхъ, выдейти, что она служитъ опорою вѣсѣмъ прочимъ Наукамъ. Если спиртотал и глубокая Критика, кою обезсмертилъ себя Кёнигсбергскій Философъ, умѣрила преувеличеннія требованія Метафизиковъ; если проведена была демаркаціонная линія между Философию, какъ Наукой, и Философію, какъ исполнениемъ трансцендентальныхъ идей Вѣры; если прежняя область Философовъ уже значительно скапла въ своихъ границахъ: то собственно Философія не спрадала отъ эпизодъ переворотовъ; напротивъ, она болѣе утверждалась въ своихъ законныхъ мѣдѣніяхъ; и изслѣдованіе человѣческаго Я — оси, на которой вращается Новѣйшая Философія, сообщивъ ей характеристику субъективности, правило въ большую ясность права, на основаніи которыхъ она должна быть почилпаема царицею Наукъ,

**основною Науково.** Съ другой спороны , назначение предѣловъ , коими ограничивается кругъ дѣйствій нашего ума — предметъ, коимъ Криптическая Шко-ла занималась глубже и съ болѣшимъ успѣхомъ, чѣмъ всѣ Школы, ей предшествовавшия, должно внушилъ Философіи искреннее и просвѣщенное смиреніе, не только примиряющее ее съ Христіанскою Вѣрою, отъ которой она по гордости опѣлилась—было, но дающее ей лестную возможность содѣйствовать возвышенню торжества Божественного Оплаковенія.

Все сказанное нами о важности Философіи для Наукъ вообще и слѣдовательно для успѣховъ ум-ственного образованія, могло бы быть развито гораздо болѣе, если бы предѣлы этой рѣчи дозволили обозрѣть постепенно всѣ различныя Науки , сославшися на существенный ея части. Остановимся только на одной изъ наименѣе уважаемыхъ и наименѣе изучаемыхъ въ Россіи, на Психологіи , и покажемъ пѣсную связь ея съ другими Науками, равно какъ и влияніе, производимое ею на жизнь практическую.

Эмпирическая Психологія есть Физика духа ; и. е. собственно такъ называемая Физика наблю-даєтъ , описываетъ , классификуетъ явленія силъ матеріальныхъ: Психологія имѣетъ предметомъ собрать явленій, коими обнаруживается духъ, срав-нить ихъ между собою, расположить по классамъ сообразно сродству ихъ и опытскатъ законы, коимъ подчинены силы, ихъ производящія, чтобы сдѣлать имъ удовлетворительное объясненіе. Казалось бы, что Наука, стремящаяся разоблачить шаманска-ную природу нашихъ душевныхъ способностей, из-

следующаи законы нашей дѣятельности, и выводящая изъ нихъ правила, по коимъ эти способности могутъ быть доведены до высшей степени образования и совершенства, должна была бы служить исходнымъ пунктомъ и основаниемъ всѣхъ нашихъ трудовъ ученыхъ: ибо изъ духа, какъ изъ общаго фокуса, берутъ начало всѣ Науки и Искусства — произведенія большей или меньшей энергіи его, результаты болѣе или менѣе правильной его дѣятельности. Если это справедливо, и если наши умственныя способности — дѣйствительно орудія, кои употребляемъ мы для постиженія ученыхъ Системъ, то какъ же можемъ надѣяться сдѣлать наиболѣе употребленіе изъ этихъ орудій, когда знаемъ дѣйствія ихъ только по нѣкоторымъ поверхностнымъ опытамъ, а внутренній ихъ организмъ, равно какъ и условія, коимъ подчинены ихъ образованіе и совершенішай дѣйственность (*élasticité*) пребывають для насътайною неразгаданною? Ученый можетъ ли надѣяться непреложного успѣха въ прудахъ своихъ, когда не знаетъ даже средстѣвъ, находящихся въ его распоряженії? Не принужденъ ли онъ будеъ часю пропасти понапрасну время и пажкій свой прудъ, упорно спремясь осуществить невозможное? Не чаще ли еще будеъ онъ вовсе лишенъ возможной цѣли, чтобъ увидѣть ложность пупи своего? Дѣйствительно, безчисленныя заблужденія, коими наполнены преимущественно Науки умозрительныя, гдѣ по недоспѣлку опыта, сіи заблужденія не могутъ быть ни поддержаны, ни опровергнуты впимъ судію неумолимымъ, ясно доказывающимъ необходимости

мость, чувствуемую всякимъ образованнымъ человѣкомъ, приобрѣши исконныя свѣдѣнія о духѣ, дѣятельности его способностей, ощущеніяхъ, связывавшихъ ихъ между собою, о кругѣ, кошорый Природа назначила каждой изъ нихъ, и о законахъ, дѣйствующихъ управлять движеніями этого чудеснаго, высшаго организма.

И не одниющи шолько Школами и трудами Ученаго ограничивающиися польза изученія Психологіи: важность приложения ея къ практикѣ иначе такъ же велика, и, можетъ быть, еще болѣе ощущительна. Посмотрите шолько на ближайше опишеніе, коимъ соединяется съ Психологію занятіе наставления юношества, это ли съ чѣмъ несравненное искусство описательно неизъримаго вліянія, производимаго на благосостояніе гражданъ и благоденствіе Царства. Несспоримо, безличность наставника, слабость его, безразсудство и вообще недостатокъ въ нравостіи и энергіи производятъ гибельные дѣйствія на умъ и нравы юноши, вѣренаго его попеченіямъ, и часто разрушаютъ самыхъ лестныхъ, самыхъ основательныхъ надежды родителей. Тутъ, по моему мнѣнію, скрывается важнейший недостатокъ, колорому (хотя онъ и очень мало прямѣшень) должны мы приписать великое множеству недозрѣлыхъ воспитаній: это — недостатокъ познаній, нужныхъ, чтобъ двинуть воспитанника впередъ собственными его силами. Справно, всѣ убѣждены въ томъ, что мы не иначе можемъ побѣдить вещественную природу, какъ только сообразяясь съ ея законами и проявивополагая одну ея силу другой; но лишь шолько дѣло коснется

до человѣка — всѣ холптии управлять имъ и гнушъ его по своему, чинжко не сираясь узати законъ, коимъ существіе его естествено повинується. Ужъ не сомнѣваюся ли въ томъ, что умственныя и нравственныя силы человѣка имѣютъ имъ только однѣмъ свойственныя наклонносль и способъ дѣйствованія, коиорымъ естественно слѣдуягъ въ своеѣ развитіи? Но идея какой-бы то ни было силы, безъ закона правящаго, разрушающа сама-собою, даже не могла бы зародиться?

Если же, съ одной стороны, воспитаніе положительно спремиши развишь, образовашь, посредствомъ искусствъ и сообразныхъ съ природою упражненій, всѣ способности, коихъ съмена дремлють еще въ воспитанникахъ, и довести ихъ до высшей степени силы и совершенства; если, съ другой стороны, оно имѣетъ цѣлую прошивостоящую неумѣреному перевѣсу, кошорый чувственосль, по быстрому своему развитію, не замедлитъ взыть надъ разумомъ, до личайшаго спешеній, что можетъ запушить его въ самомъ зародышѣ, когда развитіе эго не будеъ спѣсено и содержимо въ надежащихъ границахъ властію грозною; если такое воспитаніе имѣетъ предметомъ: предохранить умъ воспитанника отъ господствующихъ заблужденій и предразсудковъ вѣка, коиорые, вкоренившись съ иѣзного возрасла, весьма часцо пропливали усиливъ цѣлой жизни, пицательно наблюдатъ за совокупнымъ дѣйствиемъ идей и привычекъ, во власши коихъ находится дитя до шѣхъ поръ, пока размышеніе не пробудится въ немъ соболивенною силою, наконецъ овладѣть его умомъ и сердцемъ въ минушу

перваго ихъ развитія, чтобы вдохнуть въ нихъ навсегда любовь къ испанѣ, благу и изящному; если шакова, говорю я, цѣль воспитанія, то спрашиваю: како способенъ начерпать намъ отчеливый и основанный на общихъ законахъ природы человѣческой планъ его, и каковъ въ то же время долженъ быть наставникъ, который бы могъ привести его въ исполненіе, съ разными измѣненіями, предбуждыми индивидуальностю? Конечно, это, по преумножству будешь японъ, кто, особенно занимался изученiemъ природы человѣческой, далѣе проанализировать шакиниственный глубины духовнаго организма, кто въ точности узналъ періоды ея постепеннаго развитія, и умѣеть употреблять приличнѣйшия средства, чтобы дѣйствовать въ одно время на умъ, воображеніе и сердце воспитанника; это будешь, однимъ словомъ, Психологъ.

Еслибы и послѣ этого изученіе Психологіи нуждалось въ похвалѣ, я могъ бы прибавить, что затруднительное познаніе людей и искусство удачно дѣйствовать на ихъ волю — эти два дарованія совершенно практическія и необходимыя преимущественно законодателю, Государственному сановнику и всякому находящемуся въ высшей сферѣ общества, упирающемся равнотѣрно на теоретическомъ основаніи Психологія. Скажу болѣе, Психологія доказываетъ намъ ключъ, необходимый къ уразумѣнію Исторіи, которая безъ нея была бы только беспорядочною трудою событій и разрушений; познаніе ея не доказывало бы никакого удовольствія и было бы совершенно бесполезно, еслибы она въ то же время не имѣла предмѣтомъ

могучихъ рычатовъ, кошорыя держать въ поспо-  
льномъ жизненномъ движениі лица и народы. При-  
совокупище къ япому, что практическій Мера-  
диспъ и Орапоръ обязаны Психологии великою  
шайкою пѣнишь умы и увлекашь ихъ волшебною  
силою тогда даже, когда доводы икъ юе основами  
на очевидности; что Психологіц удерживашъ даръ  
Порта, Живописца и всякаго Художника въ грани-  
цахъ естественнаго, испинно-прекраснаго и пре-  
непревзойдущъ ему блужданіи въ странномъ и чудо-  
вичномъ; что помѣшательство умственное и мно-  
жество болѣзней шѣлесныхъ, да шѣской связи души  
съ тѣломъ, не могутъ быть исцѣляемы иначе,  
какъ только психическимъ способомъ....

Но къ чему распространяюща ся о предметахъ,  
кошорыя при малѣйшемъ размышленіи вами  
являются уму вашему? И идакъ позвольте мнѣ,  
Мм. Гг., ограничиться адѣсь указаниемъ только  
на одно обстоятельство, изавшеся мнѣ прекрас-  
нейшимъ и благороднейшимъ плодомъ изученія  
Психологии.

Если вся жизнь наша облажа сверхъ высокую  
важносцю и исканиемъ доспоянствомъ дальнѣй-  
шему своему назначению, соспощему въ шумъ,  
чтобъ приготовиша насть къ жизни будущей, вѣ-  
чной, то надобно, чтобъ и Наука принимала ха-  
рактеръ болѣе важный, болѣе благородный по мѣрѣ  
этого, какъ возвышаешь насть надъ бренными веща-  
ми этого міра, направляешь духъ къ япому, что  
неизмѣнено, исполняешь сердце удивленiemъ, до-  
бровою и благогодніемъ къ Судесишу Высочайшему  
и зарождаешь въ насть сладостное убѣжденіе, что

Всесильный Отецъ, Который въ то же время сама Мудрость и Благословь, бдишь надъ судьбами нациими. Безспорно, высокое дѣло: созерцаніе вмѣстѣ съ Астрономомъ безконечныхъ пространствъ сферъ небесныхъ, быстрымъ лѣтомъ проходящіе циклически разсвѣднія, опредѣляющія однѣ свѣтила отъ другаго и наконецъ погружающіе усталый и изумленій взоръ въ эгоизмъ океанъ свѣта, гдѣ каждая капля — солнце; но для Божества нѣть ничего, ни великаго, ни малаго, ибо мѣра его — безконечное: малѣйшее наскѣкное, едва примѣтное вооруженному глазу — щоцкою никакой же гимнъ Его могущескву и мудрости, какъ и элли безчисленныя міры, изъ коихъ состояла вселенная! Однакожъ, не долженъ ли я убѣдишься, чио духъ мой во сцѣ разъ удивительнѣе всѣхъ эпіхъ чудесь? Не доводилось ли ему слабаго луча дрожащаго свѣща определенійшихъ звѣздъ, чиобъ опредѣлишь расположеніе ихъ и навсегда ограничишь ихъ движеніе орбитами по сплошными и неизмѣняемыми? Не онь ли въ самомъ себѣ открылъ удивительную япону даваніе большее прохоженіе пространствъ капель воды, чтобы до-справить цамъ возможность наблюдать въ ней цѣлый міръ различныхъ птицъ? Понятнѣ, если всѣ Науки возвѣщають славу Богу, что Наука, имѣющая предметомъ изученіе человѣка, должна дадеко превосходить всѣ прочія, ибо человѣкъ именно если вѣнецъ творенія: въ немъ исключительно Богъ проявляетъ намъ свою мудрость, могущескство, сдѣлосць и любовь: Слѣдовательно, если ходити по послѣдніи смыслъ эпіхъ простыхъ, но важныхъ словъ Св. Писанія, чио «чело-

такъ создать по образу Божию, то обратите взоры на самихъ себя, проникните въ глубину души вашей, следуйте по спазмъ вѣчныхъ судебъ, которую вы ламъ непремѣнно откроете, и същенное уваженіе къ дослѣдствію человѣческому, и въ себѣ самихъ и въ ближнихъ, будесть спасительнымъ плодомъ вашихъ изслѣдованій.

Преимущество, данное мною Психологіи надъ другими частями Философіи, не доказывается еще, чтобы я признавалъ эту Науку единственно плодоносною, а прочія починаль за безплодныя, занимающіяся только пустыми тонкостями, которыми не имѣютъ никакого существеннаго дослѣдствія и не могутъ никакимъ образомъ быть примѣнены къ человѣческой жизни. Высокая цѣна, которую всѣ отличнѣйшіе мыслилели давали изученію Логики, Метафизики и Этика, и похвалы, коими сполько умовъ, далѣко превосходящихъ мой, почили эти Науки, мнѣ кажется, споль уже известны, что не считаю нужнымъ повторять ихъ здѣсь; равномѣрно уваженіе, сполько вѣковъ имъ по нынѣ воздаваемое, смѣю сказать, даже энтузіазмъ, и досель ими внушаемый, если лучшее свидѣтельство ихъ важности въ дѣлѣ успѣховъ просвѣщенія, свидѣтельство, къ которому слабое мнѣніе мое ничего не прибавитъ. Вонъ почему я и рѣшился высправить сполько одну изъ наименѣе блестящихъ и не сполько превозносимыхъ споронъ философическаго ученія: ябо и одной ея довольно мнѣ будетъ для доказательства пропивникамъ Философіи, что они приевояютъ себѣ власнѣ судей въ ламомъ дѣлѣ, въ которому не имѣющъ никакого права разбирательства.

Геній, въ высшей степени практическій, ко-  
тораго конечнѣ не льзя обвинять въ приспособлѣ-  
ніи юношескимъ сходасническимъ, знаменитый  
Преобразованиемъ Россіи, не иочиналь Философ-  
скихъ Наукъ излишнимъ для народа, желающаго  
утвердить национальное просвѣщеніе свое на проч-  
ныхъ основаніяхъ. Съ живѣшимъ удовольствіемъ  
чишаемъ мы на первой страницѣ газеты, напеча-  
танной по повелѣнію и подъ покровительствомъ  
великаго Монарха, слѣдующія строки:

« Повелѣніемъ Его Величества Московскіе  
Школы умножаются, и 45 человѣкъ слушаютъ Фи-  
лософию, и уже Діалектику окончили » (\*).

Вотъ первая умственная победа надъ нѣжѣ-  
ствомъ, которую заслужилъ спрашный непріимѣн-  
ный мрака возвѣстивъ своему народу съ шакою же бла-  
городною проспопію, съ какой говоривъ о бли-  
стательнѣихъ успѣхахъ своего оружія.

И шакъ Философія съ самаго начала вклю-  
чена была въ число Наукъ, доказавшихъ  
различіе волны благоливорнаго скъпа на возрожден-  
ную Россію, и до сихъ поръ пользовалася въ ней  
споль же великодушнымъ покровительствомъ, какъ  
и прочія Науки. Какъ же мы должны удивляться,  
видя, что по прошествію 130 лѣтъ, почтенный  
Писашель, коего слова ни съ кошорой спороны  
не могущь возбуждать никакого подозрѣнія, такъ  
выражаетъ сожалѣніе свое о пренебреженіи у насъ  
занятія Философіею: «Слабо изученіе Философіи  
въ нашемъ Отечествѣ; самосложнѣльныхъ произ-

(\*) См. 1 ч. Журнала Министерства Народн. Просвѣщенія, 1834.

веденій по сей отрасли умѣственныхъ изысканій почины и вовсе не видно (\*), — и далѣе: о Философіи мы знаемъ только по слухамъ или отголоскамъ чужеземныхъ (\*\*). Какимъ же причинамъ должно приписать это позднее развитіе Философіи и неуваженіе къ ней въ Россіи, тогдѣ какъ всѣ другія Науки пользуются въ ней самыми лестными уваженіемъ?

Одна изъ очевиднѣйшихъ причинъ находится въ самой природѣ Философіи, которая, для успѣшнаго изученія требуя ума зрѣлаго и предварительно гнѣдѣній глубокихъ и основательныхъ, должна быть почтаема вѣнцемъ всѣхъ прочихъ знаній и отраслію обученія, предоставляемою исключительно Университетскимъ курсамъ. А какъ частное воспитаніе имѣло совершенно въ своей власти цвѣтъ Русского юношества, которое, нестерпѣливо желая скорѣе пуститься на поприще общепрѣстинаго служенія, обыкновенно оспавляло кровь отеческій въ возрастѣ, едва ли достаточно зрѣломъ для важныхъ философскихъ изслѣдований: то легко видѣть можно, что Философія навсегда оставалась книгою закрытою для большей части молодыхъ людей: ибо весьма рѣдко случается, чтобы человѣкъ, возмужавъ, и будучи поглощены дѣятельною жизнью, посвящалъ досуги свои Наукѣ, къ которой не получилъ съ дѣлами никакой привязанности, и

(\*) Введение въ Науку Философіи, соч. Свѣт. Сидонскаго, 1853.  
Предисловіе.

(\*\*) Тамъ же, стр. 514.

коей ни элементы, ни метода, ни цѣль ему неизвестны.

И такъ преподаваніе Философія осправдалось заключеннымъ почти только въ однихъ Духовныхъ Семинарияхъ до славнаго царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА, который, основавъ пять новыхъ Университетовъ, воздвигъ синь благодѣніемъ другой памятникъ, дѣланій имъ его безсмертнымъ не только въ сердцѣ признательнаго патріота, но и во всемъ образованномъ мірѣ. Съ этого уже времени изученіе Философіи безпрерывно преуспѣвало, и можно надѣться, что мудрыя мыры, принесены Правительствомъ, и имѣющія цѣлую защищили юношество, предназначаемое къ общественной службѣ, посыпать Университетскіе курсы, чтобы ими приводились въ здѣсь умственныя способности и дополнить свое образованіе, обративъ равномѣра и на Философію вниманіе, которое она заслуживаетъ по спольскимъ правамъ, и уваженіе, въ коншоромъ до сихъ поръ отказало ей общеспіенное мнѣніе, не знавшее всей ея важности.

Умолчу о другихъ причинахъ, самедиавшихъ успехи Философіи въ Россіи, и укажу только на одну, которая показалась мнѣ важнѣе прочихъ, и изъясненіе которой подастъ мнѣ случай высказать свое чистосердечное мнѣніе объ условіяхъ, могущихъ сдѣлать преподаваніе Философіи совмѣстнымъ съ нашимъ системою образованія и даже съ нашимъ бытромъ общеспіеннымъ.—Всякому изъ насть извѣстно, что безстыдная суевіность XVIII вѣка дерзко осмѣливалась ввесити во всеобщее довѣріе, подъ священнымъ именемъ Философіи, такія начала, ко-

шоры Философія не признавала и никогда не признаєть своими. Дѣйствительно, если ученія, по-справляющія человѣку въ облзанности считать басною Христіанское Откровеніе, забавляясь Религіею до того, чтобы оприцать бытіе Божіе, называть мечтой безсмертие души, уничтожать всякое различие между добродѣлію и порокомъ, приписывая всю дѣйствительность человѣческую эгоизму, разрывать связи общественные, попирая ногами власть Божескую и человѣческую; если, говорю, такія ученія и правила могли называться философскими, надобно, чтобы мудрость превратилась въ безумство, или чтобы она была ужасѣйшимъ чудовищемъ, которое адскія силы извергнули на землю для испреблений рода человѣческаго. Однакожь эти разрушительные ученія, проповѣдуемые подъ именемъ Философіи, во въ самомъ дѣлѣ только оправдательный порождены глубокаго нравственнаго разрыва, запахнули пильвашей ихъ матеря справедливую дань благодарности: навеки ужасъ самой спрашной революціи, какая когда-либо окровавила землю. Волѣю какимъ образомъ Философія сдѣмалась соучастницею самыхъ плачевыхъ ужасовъ, и голоса, раздававшися въ защиту ея, заглушаемы были съ одной стороны матежемъ спрасніей и волненiemъ умовъ, съ другой смиренiemъ, брошеннымъ въ сердце шѣхъ, для кого Религія, порядокъ общественный и присяга, давшая Монарху, были еще дороги и священны. Спрасніе хъ разрушекъ, которую послѣдній вѣкъ завѣщалъ нашему, и множеству сочиненій, называемыхъ Философскими, коихъ Авиаторы гордятся своими хулами на Прави-

шельства, какъ дѣломъ испинно-благороднымъ и геройскимъ, обращаютъ въ насмѣшку таинства Божественного Откровенія, думая доказать пѣмъ независимость и силу своего ума, и испровергаютъ все, что еще не упало, подъ пѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что рачительно трудящіяся для успѣховъ рода человѣческаго; — всѣ эти явленія не могутъ успокоить Правительство на счетъ испиннаго направлѣнія Философіи, которая, торжественно провозглашаючи свою невинность, не менѣе того вмѣшивается во всѣ бунты, колеблющіе Европу, и даже дѣлаетъ себѣ ихъ услугивою защищницей.

Мудрое Правительство наше не только не спѣняло изученія Философіи, которую столь ужасныя злоупотребленія должны были бы сдѣлать ему подозрительную, но всегда предписывало и одобряло его, если оно слѣдовало по пути благому. Но кто дерзнетъ упрекнуть наше Правительство пѣмъ, что оно смѣтритъ за публичнымъ преподаваніемъ Философіи съ большою спротивою, чѣмъ другое? Не Философія ли, не выходя изъ предѣловъ своего владычества, приводитъ передъ судилище ума порядокъ общественный и Религію, Законодательство и Политику, разсуждаешь о правахъ и обязанностяхъ человѣка, рассматриваетъ основаніе всякой установленной Власти? Не Философія ли преимущественно передъ прочими Науками должна раздѣлять съ Религіею благородное дѣло приготовленія рода человѣческому людямъ честныхъ и добродѣльныхъ, Христіанству — вѣрующихъ просвѣщенныхъ и чистыхъ сердцемъ, гражданъ вѣрныхъ, преданныхъ Монарху и Отечеству?

Часть I.

Нужно ли съде сильнейшихъ доказательствъ для убѣжденія, что преподаваніе Философіи, предстающее страстью и злонамѣренности, перестаетъ уже быть благоповорнымъ свѣтильникомъ, коего тихое сияніе озаряетъ и руководитъ умы, но дѣлается пожарнымъ факеломъ, голзовымъ зашушить самого себя развалинами и пепломъ вселенной?

И такъ лучше возблагодаримъ Провидѣніе за то, что оно поставило нась подъ опеческую защиту просвѣщенаго и нвердаго Правительства, кото-  
рое, предупреждая распространеніе ложныхъ уч-  
еній, и подавляя въ зародыши преступныя покушенія  
людей злонамѣренныхъ, сохранило нась досель отъ  
бѣдствій, пыготѣюющихъ надъ лучшими странами  
Европы! Его попечительная предусмотришель-  
вость не ограничилась даже и эпими предвари-  
тельными и понудительными мѣрами. Зная, что  
невѣжество есть весьма ненадежная спраха проливъ  
ала, и что преперпѣть неожиданное нападеніе отъ  
непріятеля, лишенное всякаго оружія къ защищѣ, оно  
первое уступаетъ ловкому и хитрому обольщенію,  
Правительство спаравшися воздвигнувшись проливъ  
всѣхъ эпихъ разрушительныхъ теорій ограду бо-  
льше прочную, открывая просвѣщенному юношеству  
софистическая хипроспіи, къ коимъ прибѣгаютъ  
демагоги, чтобъ придать самой наглой лжи своей  
наружность испини. Указъ, коимъ Его Импера-  
торское Величество Всемилостивѣйше повелѣть  
соизволилъ, чтобъ излагаемы были въ надлежащемъ  
свѣтѣ начала Еспеславленаго Права, подававшаго  
поворъ къ спольскимъ гибельнейшимъ злоупре-

бленіямъ, будесть наилучшимъ пропагандіемъ для молодыхъ людей, которые, еще не способны сами собою распутывать искусству лжань изъ испинъ и заблуждений, представляемую имъ революціонною Липерапурою, и попому легко обманываюліся пустыми призраками справедливости. Распространеніемъ только здравой Философіи Правильство надѣется разоблачить и привести въ смущеніе опирапильное чудовище, Псевдо-Философію, прежде, чѣмъ успѣть она осквернить Россію своимъ ядовитымъ дыханіемъ и воизбрать кровавые когти свои въ иѣдра ея — въ сердце этого блескнаго дарованіями юношества, на которое опираются надежда и гордость Отечества.

Думаю, что не нужно теперь показывать основанія, на коихъ должна утверждаться наша система преподаванія Философіи: послѣ сказанного мною, думаю, не льзя уже сомнѣваться, чтобъ основанія эти не были: священное уваженіе къ Религії, непоколебимая вѣроисповѣдь Монарху и безусловное повиновеніе существующимъ законамъ.

Счастливый, что я имъ преподаваніемъ содѣстивую высокому дѣлу народнаго просвѣщенія, я презираю крики минутныхъ мудрецовъ, которые, безъ сомнѣнія, возразятъ, что я спѣшаю свободный полетъ Философіи, сковывая ее власпю чуждою уму человѣческому. Имя, которое приобрѣль бы я цѣною моего искренняго убѣжденія, показалось бы мнѣ купленнымъ весьма дорого. Я не признаю той Философіи, Которая осуждена жити въ разрывѣ съ Христіанской Вѣрою; знаю только одну Философію, заставляющую меня признать очевид-

нослѣтъ твой власты, кошорую дѣйствительно имѣетъ надъ нами Христіанская Вѣра; поднѣверждающую высокія истины Откровенія, и внушающую мнѣ смиренное воздержаніе не отвергать ея догмаловъ подъ пѣнь предлогомъ, что они не подходятъ подъ мѣрку слабаго моего разумѣнія. Я не знаю также Философіи, которая бы призвана была повѣрить и разбирать дѣйствія Правительства, раздражать и возмущать умы, возбуждать звѣрскую страсть къ разрушеніямъ; но знаю только одну Философію, коей существенный характеръ — умѣреаность, и кошорая, шестивуя законныи путь познаній, стараеатъ улучшить общественное устройство подъ покровомъ самого Правительства.

Таковъ духъ философскаго учёня, преподаваемаго въ Университетѣ нашемъ. Да возможеть пынкое къ образованію юношество, присекающее въ сіе святыни Наукъ, быть проникнуто эпимъ духомъ и завѣщанъ намъ чеснѣ, кошорую мы считаемъ выше всякой другой, чеснѣ — что мы образовали не только Ученыхъ, но и вѣсты усердныхъ Христіанъ и вѣрныхъ гражданъ, преданныхъ своему Монарху.